

Л. А. Сугрей¹

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ПУТИ ЕЕ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Неопределенность национальной стратегии у современной России существенно снижает ее роль, как ведущего субъекта современного глобального развития. Авторитет более чем тысячелетней истории цивилизационного развития за последние три десятилетия существенно растерян в результате идеологических метаний — от попытки отречения от своего «духовного греха» до стремления экзегировать идею России как Третьего Рима.

Вл. Соловьев считал, что русский народ является биологической и социально-духовной средой, где осуществляется Божий замысел, а идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней [1]. Вопрос бытия народа — это и есть вопрос реализации Божьего замысла, именно в этом заключается сущность принципа пассионарности как готовности определять свой земной путь или свободу.

Л. Гумилев понимал пассионарность как избыток биохимической энергии, проявляющийся в способности людей к сверхнапряжению [2]. Но не все народы одновременно готовы воплотить в жизнь Божий замысел, некоторым свойственно и заблуждаться, примеров тому достаточно — от поклонения золотому тельцу до обожествления вождя.

Главный вопрос: осознаем ли мы Божий замысел и его суть? Если отклонение от традиций суть испытания, ниспосланные Богом, то пройти через них, сохранив свою сущность, — это то, что задумал Бог о народе. Тогда пассионарность — это способность «взвалить» на себя ответственность за исход в деле реализации Божьей воли. Но чем прочнее существует Россия, тем настоятельнее проявляется дилемма: для чего и во имя чего она существует?

Исторический опыт показывает, что именно в катастрофические для этноса периоды возрождается и заявляет о себе национальная идея. Это было в Германии, после поражения в Первой мировой войне, в Японии — после Второй мировой, в России — после нашествия Наполеона. В этом смысле национальную идею можно рассматривать как простой инстинкт самосохранения народа, как способ защиты себя от чужеродного воздействия — от кого бы оно ни исходило: от зарубежных или своих собственных, отечественных врагов. В то же время любые идеологические системы, будучи рационально выразимыми, представленными в виде определенных идей, всегда дополняются иррациональными моментами, которые коренятся и в природе социальных процессов, и в особенностях идеологии, и в психологии народа. Здесь мы должны согласиться с Д. Лихачевым, который неоднократно выступал против непогрешимости какой-либо обязательной государственной идеологии, видя в ней прежде всего насилие над духовным миром личности [3].

¹ Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор 6 монографий и более 60 научных и учебно-методических работ. Награжден знаком «Почетный работник общего образования РФ».

Подобно И. Ильину мы вправе сказать, что национализм, к примеру, — это не просто система идей, связанных с какой-то нацией — народом, а любовь к духовно-нравственным традициям своего народа, и притом именно к его духовному своеобразию. Надо верно ощутить синергию своей духовной жизни с духовной жизнью своего народа, творчески утвердить себя в силах и средствах ее, то есть принять русский язык, русскую историю, русское государство, русскую песню, русское правосознание, русское историческое мироощущение.

Любовь к Родине на уровне бессознательного влечения к ней — аффективная — живет в душах в виде неразумной, предметно неопределенной склонности; к сожалению, она иногда вырождается в пустую форму воинственного шовинизма и тупого национального самонравия. Истинный же патриот любит свое Отечество зрячею любовью, он приходит к своему патриотизму через акт духовного самоопределения [4]. И здесь, как мы видим, бессознательное темное восходит до уровня сознательно просветленного — человеческого. Подобная же трансформация происходит и с национализмом, который, соединяя в себе оба начала, рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное, становится приемлемым для нас, когда несет в себе потенциал высших, общечеловеческих ценностей. Такой национализм, именуемый И. Ильиным христианским, открывает человеку глаза и на национальное своеобразие других народов; он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство: ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему.

Это особенность становления русского характера, охотно принимающего духовные ценности, соответствующие традициям полиэтничной державы, и отторгающего все чужеродное, несовместимое с нашим внутренним миром. Она не может быть воздвигнута на пустом месте или начать свое существование с нулевой отметки. Народ, за плечами которого более чем тысячелетняя история, не имеет права начинать все сызнова. Национальная идея, опирающаяся на тысячелетние традиции, не может не быть, по сути своей, идеей традиционализма.

В проблемном поле русской идеи важнейшими понятиями были понятия соборности как единства всех слоев русского общества для блага Отечества, православия, понимаемого не только как религия, но и как картина мира со своим миссионерством во имя тяги к единству народов и со своей национальной самокритикой. Нация не может совершенствоваться без социально-нравственной нормы, а выработка достойных ориентиров становится насущной необходимостью, так же как решительное очищение русской души от вредного и отжившего.

Мировой опыт свидетельствует, что национализм чреват своим перерастанием в ощущение националь-

ного превосходства над другими или обратной крайностью — национальным самоуничижением, что, как правило, приводит к изоляционизму и ксенофобии.

К этой опасной для национального самосознания грани постоянно приближаются те, кто подвергает сомнению целесообразность русской идеи, как и любой другой, которую можно представить в роли общенациональной.

Быть или не быть русской идее — все равно что существовать или не существовать России, такая альтернатива противопоставлена нашему национальному самосознанию, исходящему из непреложной истины, что бытие российского этноса — наивысшая ценность, в которой ключевыми критериями, являются общее Отечество, общечеловеческие нравственные традиции мирного сосуществования, социальная справедливость, достоинство.

Мы убеждены в том, что общенациональная идея России может быть лишь синтезом национальных идей и духовных устремлений всех населяющих ее народов. Значит, неотложной задачей является искать и находить в православии и исламе созвучия и подобия, точки схождения и единочувствия [5, с. 89]. Именно такое духовное содержание евразийства должно сыграть позитивную роль в будущей нашей истории.

Задача состоит не в изобретении абсолютно новой для россиян идеи (идеологии), а в творческой реконструкции, реставрации и модернизации всего имеющегося в распоряжении нашего народа опыта общерусской идентичности.

Несомненно, что современное мышление должно активизировать прошлое на более убедительном уровне. Русская идея — это составная часть общечеловеческой христианской идеи (И. Ильин), изложенная в терминах современной диалектики и синергетики (Л. Гумилев). Сегодня мы должны заботиться и об оригинальности (Н. Бердяев), и о предметности русской идеи (Д. Лихачев). Естественно, что сущность ее заключается не в том, чтобы «быть как никто», ни на кого не походить, ибо это нелепо, ибо нельзя жить, стараясь ни в чем не подражать и ничему не учиться у других. Нам нужно не отталкиваться от других народов, а уходить в собственную глубину и восходить из нее к Богу. Или, как выражался великий русский философ И. Ильин, *надо не оригинальничать, а добиваться Божьей Правды; надо не предаваться восточнославянской мании величия, а искать русскою душою предметного служения. И в этом смысл русской идеи* [4, с. 318].

Литература

1. Соловьев В. С. Русская идея / В. С. Соловьев. — М., 1999.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. — СПб., 2001.
3. Лихачев Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. — М., 2000.
4. Ильин И. Наши задачи / И. Ильин. — М., 2008. — Ст. «О русской идее».
5. Каграманов Ю. М. Какое евразийство нам нужно / Ю. М. Каграманов // Новый мир. — 2002. — № 3.